

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-534-539

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ХУРТИН Тимофей Игоревич,
магистр права, следователь следственного отдела
по Ленинскому району г. Ульяновска
Следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Ульяновской области
лейтенант юстиции,
e-mail: tim.khurt@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье авторы исследуют введенный в уголовно-процессуальное законодательство России термин «электронный носитель информации». Используя структурно-семантический метод и метод сопоставительного анализа, авторами выдвинуто предположение о том, что понятийный аппарат электронных носителей информации до сих пор категориально не сформирован. Анализ судебной практики свидетельствует, что отсутствие правовой регламентации данной дефиниции может порождать юридические неточности в идентификации электронных носителей информации как вещественных доказательств. Авторы приходят к выводу, что устранение выявленной правовой лакуны возможно путем совокупного использования содержания ряда государственных стандартов.

Ключевые слова: уголовный процесс, электронный носитель информации, компьютерная информация, цифровые следы.

SHESTAK V.A.,
Professor of the 25th Department (Military Administration,
administrative and financial law) of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science, Moscow

KHURTIIN T.I.,
LLD, Investigator of the investigative department
for the Leninsky district of Ulyanovsk
Investigative Department of the Investigative Committee
Of the Russian Federation for the Ulyanovsk region,
Lieutenant of Justice

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF ELECTRONIC INFORMATION CARRIERS IN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

Annotation. In the article, the authors examine the term “electronic information carrier” introduced into the criminal procedure legislation of Russia. Using the structural-semantic method and the method of comparative analysis, the authors suggested that the conceptual apparatus of elec-

tronic media has not yet been categorically formed. An analysis of judicial practice shows that the lack of legal regulation of this definition can lead to legal inaccuracies in the identification of electronic media as physical evidence. The authors conclude that the elimination of the identified legal lacuna is possible through the combined use of the content of a number of state standards.

Key words: *criminal procedure, electronic storage medium, computer information, digital traces.*

В связи с ростом преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, отечественным законодателем была проявлена инициатива по правовой адаптации процессуальной деятельности органов предварительного расследования к такому виду преступлений путем внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹, предусмотренных Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ². Так, нормативные изменения характеризовались не только появлением термина «электронный носитель информации», который в рамках уголовного процесса позволял отнести такие объекты к вещественным доказательствам; регламентировал правила их хранения, а также копирования информации по ходатайству законных владельцев; но и определял особенности процессуального оформления результатов обнаружения, фиксации и изъятия электронных носителей информации в ходе таких следственных действий как обыск и выемка. Однако, в современных условиях названные изменения были существенно изменены законодателем – утратили силу положения нормы, которые раскрывали особенности изъятия электронных носителей в ходе обыска и выемки [11].

Несмотря на то, что прошло уже более тринадцати лет с момента принятия названной нормы, нормативное определение дефиниции «электронный носитель информации» так и не нашло такое свое место в УПК РФ, которое бы имело возможность выделить её сущностные характеристики. Впоследствии, данная правовая лакуна широко обсуждалась отечественными исследователями на протяжении длительного временного периода, в ходе дискурсов которых были предложены следующие авторские определения.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 29.06.2025).

² Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28.07.2012 № 143-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133286/ (дата обращения 29.06.2025).

Так, к примеру, А.А. Балашова определила электронный носитель информации как техническое средство, конструктивно предназначенное для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием средств вычислительной техники [2]. В свою очередь, Ю.Н. Соколов понимал под ним технически и технологически адаптированное к многократному использованию электронное устройство, предназначенное для записи, хранения, передачи и воспроизведения электронной информации с помощью доступных технических средств, а также защиту, обособление и разграничение доступа к имеющейся информации [12]. Нестандартно к исследуемому вопросу подошел Д.В. Бахтеев, указывая, что к данным носителям следует отдельно отнести такой полупроводниковый носитель информации, как оперативное запоминающее устройство, которое имеет свои особенности хранения информации с учетом всех существующих в настоящее время разновидностей электронных носителей информации [1]. Перспективное направление развитию понятийного аппарата электронного носителя информации по нашему мнению сформулировал Ю.В. Гаврилин, под которым он подразумевал устройство, конструктивно предназначенное для постоянного или временного хранения информации в виде, пригодном для использования в электронных вычислительных машинах, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [4].

Однако, в условиях отсутствия нормативного закрепления, многие исследователи, анализируя законодательную базу, пришли к выводу, что целесообразно опираться на подзаконные нормативные акты – государственные стандарты, регулирующие различные межотраслевые области. Как следствие, А.Л. Осипенко предлагал ссылаться на определение, сформулированное в соответствии с Межгосударственным стандартом ГОСТ 2.051-2013, введенным в действие приказом Росстандарта от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст (далее – ГОСТ 2.051-2013)³, согласно которому

³ ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» (введен в действие приказом Росстандарта от 22.11.2013 № 1628-ст). – Электронный ресурс. – URL: <https://ulgoexp.ru/>

электронный носитель информации представляет собой материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [9]. Основываясь на позиции А.Л. Осипенко, О.В. Добровлянина предлагала авторское определение, которое во многом повторяет дефиницию, содержащуюся в ГОСТ 2.051-2013, при этом дополняя её указанием на взаимосвязь электронного носителя информации и технических (электронных) устройств, которые осуществляют функцию по обработке информации, содержащейся на носителе [6]. Вместе с тем, В.Б. Вехов в противовес вышеназванного подхода, пришел к выводу, что данный термин имеет неопределенное расширительное толкование, следовательно, к электронным носителям информации следует относить абсолютно любое микропроцессорное устройство, что может порождать ошибки правоприменения. Нельзя не согласиться с выводом этого автора, что отсутствие законодательного закрепления позволяет отнести к этой категории и кофемашину, и телевизор, и электронный полис медицинского страхования [3].

Продолжая анализировать отечественные исследования, предположим, что в основе своих предложений многие исследователи использовали положения ГОСТ 2.051-2013, базируя на них свои рассуждения, исключая факт наличия других, не менее важных источников возможной нормативной аппликации актуального в современных условиях термина. Так, по мере актуализации судебных компьютерно-технических экспертиз в связи с повышением уровня преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации и поручений об исследовании электронных носителей информации в том числе, общими усилиями экспертного сообщества 01.09.2017 был введен Национальный стандарт – ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения», утвержденный Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (далее – ГОСТ Р 57429-2017)¹, в разработке которого принял участие в том числе Следственный комитет Российской Федерации вместе с Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции

files/documents/GOST-2.051-2013.pdf (дата обращения 29.06.2025).

¹ ГОСТ Р 57429-2017. Национальный стандарт РФ: «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28.03.2017 № 198-ст). – Электронный ресурс. – URL: <https://www.sudexpert.ru/docs/GOST/p57429-2017.pdf> (дата обращения 29.06.2025).

Российской Федерации и Экспертно-криминалистическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Несмотря на то, что настоящий стандарт установил термины и определения понятий, применяемые в судебной компьютерно-технической экспертизе, которые рекомендуются для применения во всех видах документации и литературы экспертной деятельности и требования которого распространяются как на государственных судебных экспертов, так и на негосударственных судебных экспертов, к сожалению, законодательскими силами экспертного сообщества, на наш взгляд, до сих пор не предусмотрено самого главного – разработки термина «электронный носитель информации», который бы мог идентифицировать обобщенный опыт проведенных исследований и связать его с действующим УПК РФ. Анализируя действующие в стандарте термины – «аппаратное (техническое) средство», «средство вычислительной техники», «оперативная память» и проч. – можно прийти к выводу, что все они в совокупности по частным признакам и свойствам, данным в их определениях, могут быть отнесены к электронным носителям информации.

Вместе с тем 12.11.2018 Директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации был утвержден стандарт СТО.ФСБ.КК 1-2018 «Компьютерная экспертиза. Термины и определения» с изменениями от 15.04.2020 (далее – Стандарт СТО.ФСБ.КК 1-2018)². Стандарт СТО.ФСБ.КК 1-2018 так же, как и ГОСТ Р 57429-2017, разработал терминологию, которая также имеет лишь рекомендательный характер для экспертного сообщества, чем повторяет, а в чем-то и дополняет последний. Непосредственно главным же дополнением является введение определения «носитель компьютерной информации», который рекомендовано считать равнозначным электронному носителю информации, под которым стоит понимать «материальный объект, предназначенный для хранения компьютерной информации». А в свою очередь, под «компьютерной информацией» понимается информация, представленная в форме, пригодной для обработки на вычислительной машине, независимо от средств ее хранения, обработки и передачи.

Помимо востребованного нововведения, стандартом органа государственной безопасности

² Стандарт Федеральной службы безопасности СТО.ФСБ.КК 1-2018 «Компьютерная экспертиза. Термины и определения» (утв. и введен в действие Директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации 12 ноября 2018 г.). – Электронный ресурс. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/more.htm%21id%3D10437602%40fsbNpa.html> (дата обращения: 29.06.2025).

была также утверждена терминология, включающая в круг носителей компьютерной информации, которые являются их формальной классификацией такие понятия как: «гибкий магнитный диск», «магнитная лента», «магнитооптический диск», «накопитель на жестких магнитных дисках», «оптический диск» и «твердотельный накопитель». Такой подход, полагаем, укрепил терминологическую точность в целях обеспечения соблюдения процессуальных требований, что в свою очередь должно привести к однозначности в понимании произведенных действий с доказательствами, содержащимися на электронных носителях информации.

В дефиниции термина была выделена только одна функция носителя компьютерной информации – хранение информации, что, по нашему мнению, является исключительно положительным моментом, поскольку позволяет правильно идентифицировать вещественное доказательство, разные подходы к которому возникают и при вынесении судебных решений. К примеру, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.01.2017 № 204-О в отношении сотового телефона используются такие понятия, как «цифровой» и «электронный носитель информации». При этом цифровые носители информации, отражающей взаимоотношения обвиняемого и свидетелей, не допускают произвольное изъятие при обыске электронных носителей информации, содержащих охраняемую законом тайну, а потому конституционные права не нарушают¹. Схожую ситуацию можно наблюдать и в Определении Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О, где суд одновременно использует понятия «абонентские устройства» и «электронный носитель информации» в отношении изъятых мобильных телефонов².

В подтверждение нашей позиции, используя терминологию, предусмотренную Стандартом

СТО.ФСБ.КК 1-2018, полагаем возможным, рационально объяснить следующее на примере наиболее распространенных орудий и предметов преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации – персонального компьютера и смартфона – которые являются электронно-вычислительной техникой (далее – ЭВМ), под которой, полагаем, стоит понимать вычислительную машину, основные функциональные устройства которой выполнены на электронных компонентах. В свою очередь, ЭВМ с помощью средств вычислительной техники – совокупности программных и технических элементов систем обработки компьютерной информации, способных функционировать самостоятельно или в составе других систем – и программных внутри заложенных обеспечений передает обработанную компьютерную информацию на хранение в носитель компьютерной информации («жесткий диск» или «твердотельный накопитель»). Следовательно, носитель компьютерной информации является составной частью ЭВМ, а не цельным, самостоятельно функционировавшим устройством.

Тем не менее, обращаясь к пояснительной записке к проекту Федерального закона от 28.07.2012 № 143-ФЗ, законодателем было разъяснено, что изменения были направлены на уточнение порядка изъятия в ходе расследования уголовных дел, особенно экономической направленности, электронных носителей информации (компьютерных блоков, серверов, ноутбуков, карт памяти), содержащих сведения о деятельности хозяйствующих субъектов, и порядка возвращения изъятых электронных носителей информации и (или) копирования содержащейся на них информации³. В этой связи к электронным носителям информации, согласно позиции законодателя, позволительно отнести как отдельные части ЭВМ (например, жесткий диск, как аналог карты памяти), так и полноценные ЭВМ (например, ноутбук), что формирует терминологическую неопределенность. Продолжая анализировать термин «электронный носитель информации», с точки зрения этимологии, возникают определенные сомнения в обоснованности применения в исследуемом термине слова «электронный». Обращаясь к Большому толковому словарю русского языка «электронный» – суть связанный с применением свойств электрона, основанный на использовании свойств электрона [8].

³ Законопроект № 20801-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (Об уточнении порядка изъятия, хранения и возвращения законным владельцам в ходе расследования уголовных дел электронных носителей информации). – Электронный ресурс. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/20801-6> (дата обращения: 21.01.2025).

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандаковой Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 29 и частью третьей статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=490957#4zcXGyUyiRQGt1g4> (дата обращения 29.06.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3205-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – Электронный ресурс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=610363#MdsXGyUyej72fes41> (дата обращения 29.06.2025).

Кроме того, учитывая мнение Б.Я. Гаврилова, о том, что носители компьютерной информации позволительно дифференцировать в зависимости от свойства их энергозависимости на энергозависимые и энергонезависимые (у первых автор выделяет их особенность сохранения информации на них лишь непродолжительное время, которая в последующем автоматически заменяется новой, а при отключении питания, т. е. при потере необходимой для работы энергии, обнуляется (к таким носителям автор относит оперативные запоминающие устройства), вторые же представлены энергонезависимыми электронными носителями информации, к которым относятся внешние жесткие диски, USB-накопители, лазерные диски и т.д. [5].

Подтверждая позицию Б.Я. Гаврилова, Стандарт СТО.ФСБ.КК 1-2018 также неформально указывает на использование данной дифференциации, регламентируя терминологию круга носителей компьютерной информации. К примеру, «оптический диск» – энергонезависимый носитель компьютерной информации, информация на котором хранится на пластине, чтение и запись которой производится посредством оптического излучения, в то время как «оперативное запоминающее устройство (оперативная память)» – энергозависимый носитель компьютерной информации, входящий в состав вычислительной машины, в котором во время работы вычислительной машины хранится выполняемый программный код, а также входные, выходные и промежуточные данные.

С другой стороны, по мнению А.И. Зазулина, носители компьютерной информации могут классифицироваться в зависимости от способа записи и хранения информации: к примеру, жесткие диски записывают информацию с помощью намагничивания путем направления магнитного потока на поверхность диска, оптические – с помощью нанесения лазерного излучения на поверхность диска, а твердотельные – с помощью подачи напряжения электрического тока в отдельные ячейки благодаря свойству транзистора. Следовательно, в первых двух случаях информация хранится *без использования свойств электрона* (курсив авторов), в отличие от последнего. В итоге, по мнению А.И. Зазулина, необоснованно возникает нежелательный случай сужения круга предметов, решением проблемы которого будет являться инициатива ввести более общий термин, который бы расширял границы его содержания, включая в него различные типы носителей [7].

В этой связи, полагаем, возникает действительная необоснованность использования слова «электронный» в отношении толкования данных носителей информации, следствие которого, как

мы убедились на основе судебной практики, может являться возможность юридической неточности в идентификации таких объектов. Соответственно, если подходить к проблеме более рационально, считаем необходимым использование иного термина, который при именовании данных носителей будет основываться на главном принципе устройства носителей – а именно на процессе «оцифровки» информации – то есть процесс превращения информации в массив данных, который используется в любых электронно-вычислительных машинах с целью их обработки, хранения и передачи, поскольку информация на них выражается при помощи мощи чисел, то есть данные представляются в виде набора чисел (1 и 0) в двоичной системе [13].

Таким образом, полагаем, что в современных условиях одним из приоритетных направлений в развитии уголовно-процессуального законодательства будет являться формирование предложений по изменению дефиниции термина «электронный носитель информации» путем использования содержания термина, предусмотренного Стандартом СТО.ФСБ.КК 1-2018, – «носитель компьютерной информации», сохраняя при этом и его сущностные характеристики как материального объекта, предназначенного для хранения компьютерной информации, что, считаем, послужит установлению связи с термином, предусмотренным примечанием 1 к статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, где дано законодательное определение компьютерной информации.

Список литературы:

- [1] Бахтеев, Д. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами / Д. В. Бахтеев, Е. В. Смагин // Российский юридический журнал. – 2019. – № 6(129). – С. 61-68.
- [2] Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
- [3] Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики / В. Б. Вехов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (1). – С. 46—50.
- [4] Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Гаврилин // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4. – С. 44.
- [5] Гаврилов Б.Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / Б.Я. Гаврилов. М., 2017. С. 72.

[6] Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации / О.В. Добровлянина // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 641-649.

[7] Зазулин А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / А.И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4(11). – С. 54-57.

[8] Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с.

[9] Осипенко А.Л. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации / А.Л. Осипенко, А.И. Гайдин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 156-163.

[10] Семёнов И.В. Термины в области электронных носителей информации: Анализ и подходы к классификации // Юридический вестник. – 2018. – № 5. – С. 34-38.

[11] Смешкова Л.В. Электронный носитель информации: сложности терминологии / Л.В. Смешкова // Закон и право. – 2021. – № 8. – С. 144-146.

[12] Соколов Ю.Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе / Ю.Н. Соколов // Информационное право. – 2017. – № 3 - С. 22-26.

[13] Шаманов А.П. Системы счисления и представление чисел в ЭВМ / А.П. Шаманов ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – 52 с.

References:

[1] Bakhteev, D.V. Forensic features of the production of procedural actions with digital traces/D.V. Bakhteev, E.V. Smakhtin//Russian Law Journal. – 2019. – № 6(129). – S. 61-68.

[2] A.A. Balashova. Electronic media and their use in criminal procedure evidence: Author. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2020.

[3] Vekhov V.B. Electronic evidence: problems of theory and practice/V.B. Vekhov//Law and order: history, theory, practice. – 2016. – № 4 (1). – S. 46-50.

[4] Gavrilin Yu.V. Electronic media in criminal proceedings/Yu.V. Gavrilin//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 4. – S. 44.

[5] Gavrilov B.Ya. Methods of obtaining evidence and information in connection with the detection (possibility of detection) of electronic media: a textbook/B.Ya. Gavrilov. M., 2017. S. 72.

[6] Dobrovlyanina O.V. Some aspects of the procedural seizure (copying) of electronic media/O.V. Dobrovlyanina//Perm legal almanac. – 2019. – № 2. – S. 641-649.

[7] A.I. Zazulin. Validity of the use of the term "electronic storage medium" in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation/A.I. Zazulin//Law and order: history, theory, practice. – 2016. – № 4(11). – S. 54-57.

[8] Kuznetsov S.A. Large explanatory dictionary of the Russian language. Author's edition, 2000. 1536 pp.

[9] Osipenko A.L. Legal regulation and tactical features of the seizure of electronic media/A.L. Osipenko, A.I. Gaidin//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 1. – S. 156-163.

[10] Semenov I.V. Terms in the field of electronic media: Analysis and approaches to classification//Legal Bulletin. – 2018. – № 5. – S. 34-38.

[11] Smeshkova L.V. Electronic information carrier: complexity of terminology/L.V. Smeshkova//Law and law. – 2021. – № 8. – S. 144-146.

[12] Sokolov Yu.N. Electronic information carrier in criminal proceedings/Yu.N. Sokolov//Information law. – 2017. – NO. 3 - S. 22-26.

[13] Shamanov A.P. Number systems and representation of numbers in computers/A.P. Shamanov; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University. - Yekaterinburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2016. - 52 s.

